

А. ШАЖИНБАТЫН

**Фундаментализм
и обновленчество
в религии**

Существует представление о том, что после эпохи Возрождения началось постепенное «отступление» религии в европейской истории. Этот процесс был связан, по мысли М. Вебера, с особым парадоксом в рациональности «западного типа». По мере углубления процесса рационализации, который начался с размышления о религиозной картине мира, стал происходить процесс секуляризации, спад религиозности.

Однако в конце прошлого века обнаружилось явление, которое не предвидел ни один философ, религиовед или культуролог. Началось религиозное возрождение во всем мире. То, о чем писал Н. А. Бердяев: «Опять возможны станут страстные споры о тайнах божественной жизни»¹, судя по всему, становится реальным. Начавшийся несколько веков назад феномен секуляризации дал отмашку: маятник качнулся в другую сторону. Расколдованный («разволшебственный»), по слову М. Вебера, мир двинулся в сторону набожности. Обозначился «реванш богов», именно так культурологи назвали этот феномен. Усилилась критика рационалистической традиции, возник обостренный интерес к вере. Но религиозный бум вместе с тем установил четкие демаркации.

Религиозный бум несет не экуменические волны. Он проходит в форме рехристианизации, реиндуизации и реисламизации мира. Рождаются мощные фундаменталистские движения. Но природа их оказывается двойственной. С одной стороны, фундаментализм позволяет обращаться к традиции, которая служит основанием для «прочищения» прогрессистских иллюзий. С другой стороны, он предлагает не только разматывание назад исторических витков, сколько достижение нового социально-культурного идеала.

Фундаментализм — это идеологическая приверженность «корням и истокам» культуры, обоснование

глубинных традиций в противовес современным веяниям. Антиподом фундаментализма выступают такие понятия, как «модернизм», «обновленчество». Модернизм — обновленческие тенденции в религии вообще. Религиозный модернизм включает в себя манифестальный разрыв с ортодоксальной верой. Под религиозным модернизмом подразумевается противоположное традиционализму и фундаментализму философско-мировоззренческое течение в рамках той или иной религии, которое отражает необходимость ее изменения и развития. Будучи одним из видов приспособления религии и церкви к новым социальным условиям, изменившейся духовной обстановке, религиозный модернизм выражает тенденцию обновления религиозной жизни.

Любая религия в процессе своего развития не может не подвергнуться существенным или частичным изменениям. Обновленческие процессы, естественно, сопровождают различие каждой религиозной системы. В русской церковной истории прошлого и нынешнего столетия понятие «религиозное обновление», пожалуй, одно из самых спорных и болезненных. В самом деле, нужно ли доказывать, какой вред нанесли церковному единству «реформаторы» 20-х годов прошлого столетия. Нужно ли по-новому оценивать лидеров обновленчества тех лет, даже согласившись с тем весьма спорным доводом, что идеи у них хорошие, а их реализация порочна? Вопросы эти явно риторичны. Добро не делается с помощью зла, не рождается им. И все же правомочно ли обсуждать сам принцип религиозного обновления, негативно аттестуя любые попытки

церковных канонов и традиций? В данном случае, думается, однозначное осуждение невозможно. Правильнее было бы разобраться с понятиями, отказавшись от стереотипного их восприятия (кто «за», а кто «против»)².

Религиозный модернизм обычно включает в себя манифестальный разрыв с ортодоксальной верой. Речь идет не только о противопоставлении экзотических форм веры религиозному фундаментализму. В работах теологов модернистского толка затрагивается широкий круг современных философских проблем, прежде всего онтологического значения. Поиск универсального сознания включает в себя идею духовного диалога как своеобразного завета наших дней.

Под религиозным модернизмом подразумевается противоположное традиционализму и фундаментализму философско-мировоззренческое течение в рамках той или иной религии, которая отражает необходимость ее изменения и развития. Будучи одним из видов приспособления религии и церкви к новым социальным условиям, изменившейся духовной обстановке, религиозный модернизм выражает тенденцию обновления религиозной жизни.

В истории европейской культуры классическим примером религиозного модернизма служит движение Реформации. Начавшись в учениях М. Лютера, Т. Мюнцера, Ж. Кальвина как попытка восстановить библейские истоки веры, это движение не только воссоздало нормы и ценности первоначального христианства, но и содействовало также стремительному развитию европейской культуры в целом. Процесс разносторонних преобразований превратил протестантизм в гибкую разновидность христианства. Католичеству и православию еще предстояло проделать эту работу.

Религиозный модернизм переосмысливает многие фундаментальные категории ортодоксальной веры, в том числе понятие о Боге, о сверхъестественном, о религии. Он воссоздает мироощущение современного человека, его нравственные искания, жизненно-практические установки. В то же время

это не только коллизии внутри религии. Они захватывают живой нерв европейской культуры. В частности, бездна между языческим и христианским миром оказывается не столь значимой, как внутри самого христианства.

В процессе развития протестантского модернизма отмечаются некоторые типологические черты. Прежде всего, это обмирщение теологии, то есть приближение ее к переживаниям и чувствам конкретного человека. В этом контексте религия субъективируется, вера приобретает глубоко индивидуализированный характер. Протестантская ортодоксия раскрывает содержание веры как отношение между человеком и Богом. Непосредственное, лично окрашенное чувство поэтизируется и утверждается всем строем мироощущения.

Для всей протестантской традиции характерно также различие веры и религии. Первое выступает как нечто, присущее человеческой природе, отражающее субъективность личности, ее богатый внутренний мир. Религия же оценивается как преходящий, необязательный комплекс идей и ритуалов, нередко подменяющих незамутненную веру. Отсюда возможность христианства без религии, которую обосновывает религиозный модернизм.

Очевидно, что Христос оказывается центром веры, ее стержнем. Его образ и позволяет воспроизвести отношения человека и Бога. Причем само понимание Бога освобождается от абстрактных, умозрительных характеристик, когда Бог выступает в образе чистого бытия или первопричины. Христос воплощает в себе живые черты, позволяющие человеку вступить с ним в общение. Отсюда постоянная апелляция всех протестантских концепций к первоначальному христианству.

Когда мы говорим о фундаментализме, в нашем сознании возникает представление о немыслимой архаике, об агрессивном вторжении в социодинамику, в религиозное сознание безнадежно устаревших навыков мысли и поведения. Чем обусловлен фундаментализм? Реакцией на что он является? Мыслима ли полярная культурная ориентация, противостоящая фундаментализму?

Наконец, какова его роль в современном религиозном сознании?

Поставим, однако, вопрос: плох ли фундаментализм? Возможно ли ограничиться только отрицательной оценкой этого феномена? Нет ли, вообще говоря, определенного резона в стремлении к возрождению корней, в этом постоянном огляде на почву и судьбу? Прежде всего, фундаментализм как всякий «изм», несет на себе печать неадекватного воспроизведения собственной сущности. Он идеологичен, потому что рождается в современных мировоззренческих размежеваниях.

Идеологический оттенок содержится также в термине, который мог бы рассматриваться как полярное для фундаментализма понятие — модернизм, обновленчество. Здесь схватывается другой человеческий импульс — потребность преобразовать наличные формы религии и культуры. Однако эта установка обретает оценочный смысл, включает в себя неподлинность интерпретации.

В феномене фундаментализма, как нам кажется, выражены некие антропологические закономерности. Философская антропология прошлого столетия убедительно доказана, что человек — открытое, несформировавшееся создание. Человеческая природа, хотя и сохраняет в себе некие стойкие структуры, в то же время находится в авантюре поиска, саморазвертывания. Эти два импульса — стремление опереться на корневые основы человеческой природы и потребность собственного пересотворения — оказываются в основании интересующего нас феномена.

Более строгим понятием, судя по всему, могло бы быть слово «традиционализм», то есть стремление сохранить то, что обретено человеком. Однако само желание сохранить истоки постоянно наталкиваются на демиургическую природу человека. Культура как органопроекция фиксирует оба эти стремления. В результате возникает сложная драматургия культурного творчества, которая далеко не всегда позволяет видеть фундаментализм в качестве идеального типа.

Человек в ипостаси докультурного существа прост. В мире культуры он оказывается

перед множеством собственных артефактов, которые усложняют сферу обитания, да и сам способ человеческого бытия. Тоска по изначальному, недифференцированному, органичному, таким образом, архетипна. Но архетипно и другое побуждение — придать миру затейливость, многообразие, сложность. В культуре постоянно присутствуют обе эти тенденции — сохранить истоки и расширить в то же время сферу культурного созидания. Рождается убеждение, что идеальная простота воплощается в неких разных точках истории.

Итак, культурная природа фундаментализма — в сопротивлении нарастающей сложности жизни и ее обновлению. С этой точки зрения не исключено, что фундаменталистические тенденции культуры постоянно инспирируются другой крайностью. Не будь в культуре, в религии неизбежной погони за инновациями, не проступал бы фундаментализм в его навязчиво-директивных формах. В той же мере обновленчество черпает свои силы в противостоянии всякой ортодоксии, охранительству.

Противостояние фундаментализма и обновленчества находит свое отражение в парадоксальных обнаружениях. Желание промыслить историю зачастую служит способом прорыва в новое культурное пространство. В той же мере готовность творить культурные нововведения оборачивается возрождением патриархальных давних духовных стандартов. Фундаментализм, следовательно, можно понять только в соотношении с социодинамикой, через призму обновленчества. Последний в той же мере раскрывает собственную идентификацию через фундаментализм.

¹ Бердяев Н. А. Новое средневековье // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 484.

² См.: Фирсов С. А. Уроки русского церковного обновленчества. К 80-летию обновленческого раскола // Независимая газета. 2002. 15 мая.